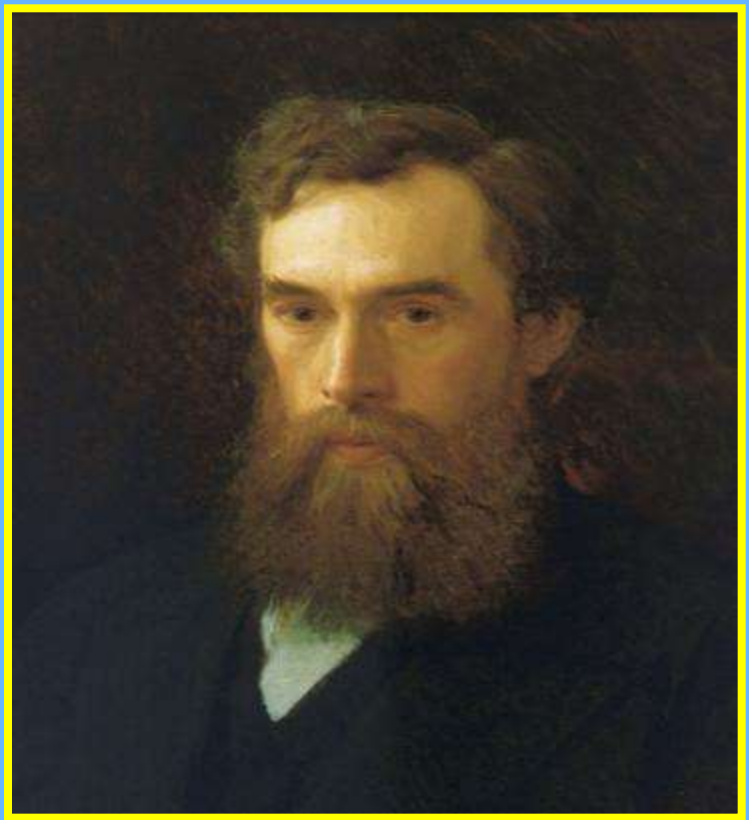
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Анапская Централизованная библиотечная система »
Центральная библиотека.

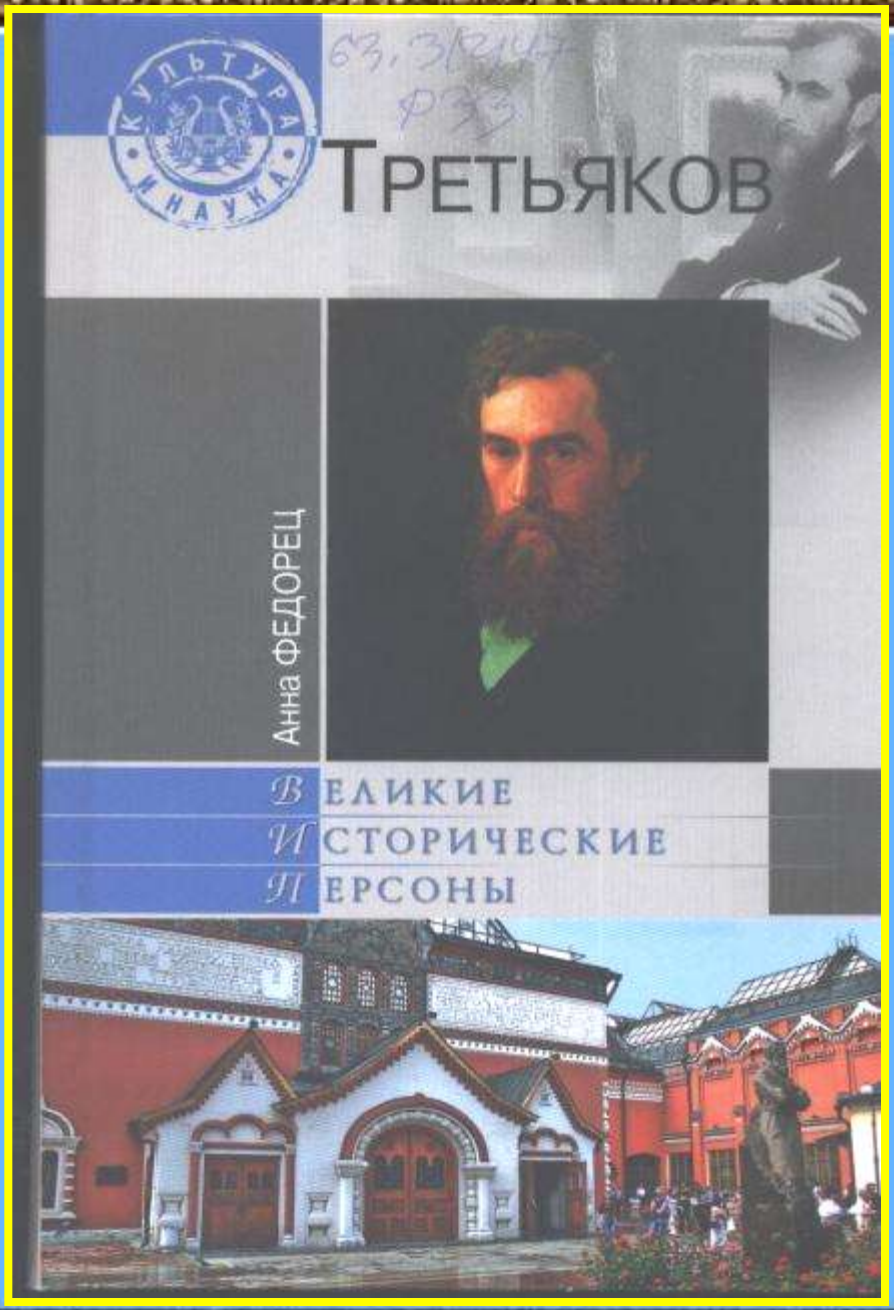


Хранитель культурного наследия

Презентация книги о Павле Михайловиче Третьякове
к 180-летию со дня рождения

«Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь»

П.М.Третьяков



Павел Третьяков

Из серии «Великие исторические персоны»

Фигура Павла Третьякова, всемирно известного создателя галереи странным образом прячется в тени своего детища. Посвященные Третьякову книги, статьи, телепередачи с жаром рассказывают о художниках, которым он покровительствовал, о картинах, им приобретенных, о том, как продолжала существовать Третьяковка после смерти ее создателя. Разумеется, говоря о Третьякове, нельзя обойти вниманием то, что представляло для него цель жизни — создание коллекции картин в Лаврушинском переулке. Автор Анна Федорец основную свою задачу видит в том, чтобы с опорой на документальные свидетельства показать читателю многогранную личность, какой был Павел Михайлович Третьяков.

РОД ТРЕТЬЯКОВЫХ. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА

Павел Михайлович Третьяков родился 14 декабря 1832 года в Москве, в приходе церкви Николая Чудотворца в Голутвине. Он происходил из старинного, но небогатого купеческого рода Третьяковых и был москвичом в четвертом поколении.

Третьяковы — и это важно подчеркнуть — были династией глубоко православной[1]. Вера являлась неотъемлемой частью жизни представителей этого рода, и свет ее озарял всю их повседневную жизнь.

О первых двух поколениях семьи, проживавших в Москве, известно крайне мало.

Прадед Павла Михайловича, Елисей Мартынович Третьяков (1704—1783), был купцом города Малоярославца. Существование купеческого рода Третьяковых в этом городе традиционно возводится к 1646 году[4]. Современный исследователь Л.М. Анисов сообщает: «... Елисей Мартынович первым из Третьяковых перебрался в Москву в 1774 году, будучи семидесятилетним стариком. До конца своих дней он жил с женой Василисой Трифоновной и двумя сыновьями в купленном им доме на Бронной, в приходе церкви Иоанна Богослова»[5]. Это свидетельство нуждается в существенном уточнении. Е.М. Третьяков действительно прибыл в Москву в 1774 году, когда ему было 64 года[6]. Вместе с ним на жительство в Первопрестольную переехала его жена, Василиса Трифоновна (урожденная Бычкова), и два сына — Захар (около 1753—1816) и Осип Елисеевичи. В приходе Иоанно-Богословской церкви Бронной слободы семейство Третьяковых фиксируется лишь за 1783—1790 годы[7], причем имя Елисея

Мартыновича в документах не упоминается. Где Третьяковы жили в 1774—1782 и в 1789—1794 годах, сказать трудно. Зато ясно, что собственный двор у них появился лишь в 1784 году: годом ранее они числятся как служители «господина офицера Ивана Калинина»[8]. Затем между братьями Захаром и Осипом Елисеевичами произошел раздел: если в 1784 году братья жили вместе, то в 1789-м Захар Елисеевич с супругой продолжает жить в Иоанно-Богословском приходе, на собственном дворе, а Осипа Елисеевича с ним рядом уже не видно.

В 1795 году семья З.Е. Третьякова переехала в другой район Москвы — Замоскворечье. «Из переписи Купеческой Управы 1795 года видно, что Елисей Мартынович и его жена умерли, Захар Елисеевич числился купцом 3-й гильдии и жил в собственном доме на Бабьем городке»[9], или в Голутвине, — на замоскворецких землях.

Бронная слобода, так же, как и прилегающие к ней слободы и урочища, в XVIII, а потом и в первой половине XIX века, была районом дворянских усадеб и особняков. Здесь по ночам устраивались светские приемы, из постели вставали отнюдь не спозаранку, и даже воскресные службы начинались позже, чем в «купеческих» храмах. Торгового же люда среди владельцев окрестных дворов на Бронной было немного, а значит, мало было у купца возможностей пообщаться «семейно». На землях же, лежащих к югу от Москвы-реки, еще с первой половины XVIII века стало селиться преимущественно купечество. Среди владельцев дворов и здесь было немало дворян — они были следующей по численности группой дворовладельцев после купцов. Но если в районе Бронной селились сливки аристократии, то дворянство Замоскворечья было не столь богато и родовито. Оно постепенно уступало свои позиции торговому люду. Здесь, среди «своих», купцу проще было наладить деловое общение, найти супругу для себя или для подрастающих детей и даже... соблюдать обыденный ритм жизни. Рано вставать, рано отходить ко сну.

Как только у Захара Елисеевича Третьякова появилась возможность перебраться в Замоскворечье, он этой возможностью

Церковь Николая Чудотворца в Голутвине, где отец Павла Третьякова, Михаил Захарович, состоял церковным старостой

Родители Павла Третьякова

Анна Даниловна Третьякова

Михаил Захарович Третьяков

Деловое чутье не подвело Михаила Захаровича. Коншин вошел компаньоном в дело молодых Третьяковых. Оно стало разрастаться под фирмой «Братья П. и С.М. Третьяковы и В. Коншин». Открытие торгового дома под этой маркой состоялось 1 января 1860 года. Не прогадал он и в заботах о любимой дочери. Елизавета Михайловна в браке с Владимиром Дмитриевичем была счастлива. Тот, в свою очередь, души не чаял в своей супруге.

Заботу о жене и дочерях Михаил Захарович вверял Павлу и Сергею Михайловичам. Александре Даниловне он возвращал ее приданое в двойном размере — 30 тысяч рублей серебром. Каждой из трех дочерей — Елизавете, Софье и Надежде — оставлял по 15 тысяч. Обращаясь к сыновьям, М.З. Третьяков предполагает то, о чем он не говорит в первом документе: что супруга может после его кончины вступить во второй брак. Он словно намекает супруге: «Из могилы держать тебя не стану». В завещании одного разночинца открыто сказаны слова, ставшие знаменитыми: «В замужестве и в сиденье вдовою, и в постриженье — ни в чем тебе не запрещаю, буди по твоей воле: буде лучше найдешь — забудешь, буде хуже нас будет — помянешь»[115]. Павла и Сергея Михайловичей он просит «любить и почитать мать свою, как Закон Божий повелевает, быть у ней в послушании. Жить вместе, буде она не выйдет после меня в замужество, довольствовать, как ее, так и сестер приличным содержанием»[116]. Кроме того, М.З. Третьяков распорядился: «... когда они, дочери, придут в возраст, то обязываю сыновей моих выдать их с согласия родительницы в замужество за людей достойных и при сей выдаче вручить каждой по пятнадцати тысяч рублей серебром со всею прибылью, какая может быть от дня моей кончины приобретена на те деньги по торговле»[117].

Последние распоряжения отца сыновья выполняли свято.

После кончины Михаила Захаровича Третьякова его тело предали «по христианскому долгу земле на Даниловском кладбище», где уже были положен прах его родителей. Со смертью отца для его детей наступил новый жизненный этап.

В КРУГУ БЛИЗКИХ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ: «АРХИМАНДРИТ» ИЛИ «ПАПАША»?

О П.М. Третьякове писали фантастически много. Писали его современники — родня, знакомые, люди искусства. Напишут о нем многие тома и после его смерти. Упоминания о Павле Михайловиче встречаются в дневниковых записях, воспоминаниях и переписке огромного числа его современников — как представителей художественного мира, с которыми он вплотную общался, так и писателей, музыкантов, выходцев из образованного слоя купечества и даже чиновников. Но как обсуждали Третьякова? О чем говорили? Его имя, разумеется, было и остается на устах интеллектуального класса нашей страны. Однако когда заходит разговор о Павле Михайловиче — что в старину, что в наше время, — этой незаурядной личностью интересуются в основном как великим меценатом и лишь иногда — как крупным предпринимателем. Еще реже его изучают в роли щедрого жертвователя на Церковь, на бедных. При этом уловить контуры его личности почти не пытаются: всех интересует, у кого Павел Михайлович приобрел ту или иную картину или от какой покупки отказался, и мало кому любопытно, что он представлял собой как человек. Цельной картины личности Третьякова попросту не существует.

А ведь не восстановив интеллектуальный, психологический и нравственный облик мецената, невозможно до конца понять и корни его созидательной деятельности.

Личность Третьякова погружена в тень его замкнутостью, его нежеланием выворачивать перед публикой подробности собственной жизни, знакомить весь свет со своими предпочтениями. Он не стремился стать «публичным человеком». Поэтому характер его и этические приоритеты реконструировать весьма сложно. Еще при жизни плотной завесой молчания Третьяков скрывал от любопытствующих все, что было связано с его этическим выбором, идеями и переживаниями. Несмотря на это, психологический облик мецената можно восстановить хотя бы в общих чертах по отдельным фразам, по разрозненным отзывам,

Вера Николаевна Третьякова,
жена Павла Третьякова

Сергей Михайлович Третьяков,
дядя Павла Третьякова

оковы самоконтроля. Итак, Павел Михайлович был человеком сильных страстей, но страсти эти он гармонизировал и не давал им выйти наружу на всеобщее обозрение. Он не фонтанировал словами, не изливал на окружающих эмоции, он... спокойно, без ненужной шумихи изменял мир поступками. В этом и проявлялась страстность Третьякова, которую могли созерцать лишь ближайшие люди: Т.Е. Жегин, жена, отчасти — дочери и некоторые художники. Только они, члены этого узкого круга «ближних», имели возможность увидеть настоящего П.М. Третьякова, во всей полноте его многогранной личности. Для остальных Павел Михайлович был... «закрытым сундуком»: можно сколь угодно долго любоваться рисунком на его крышке, гладить рукой неизменно холодноватое дерево и гадать, из какого металла сделан огромный висячий замок, но увидеть содержимое сундука нельзя до тех пор, пока он *по собственному желанию* не откроется и не явит окружающему миру свои богатства.

Личность любого человека в той или иной мере неотделима от его семьи и друзей — от всех тех, кто представляет для него наивысшую ценность, является в определенном смысле продолжением его самого. События и переживания, выпадающие на долю близких, не могут не отражаться на эмоциональном состоянии «центровой личности», не могут не влиять на ее поступки, даже если эта личность обладает столь высокой степенью самодостаточности, как Павел Михайлович Третьяков.

Внутренний мир Третьякова на протяжении многих лет трансформировался, и весьма серьезно. Прочесть это изменение, понять влияющие на него факторы можно, лишь вглядываясь в хронику семейной жизни Павла Михайловича.

«МИЛЫЙ ДРУЖОЧЕК ПАША». ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

2 декабря 1850 года скончался Михаил Захарович Третьяков. Павел Михайлович сделался старшим мужчиной в семье. До восемнадцатилетия ему осталось 13 дней...

Благодаря составленному М.З. Третьяковым завещанию, основная тяжесть коммерческой деятельности легла не на плечи Павла Михайловича. Тем не менее старшему сыну пришлось всерьез впрячься в отцовское дело, насколько это соответствовало последней воле Михаила Захаровича.

Кроме того, именно Павел Михайлович принял от отца другую ношу: заботу о матери, младшем брате и в особенности о трех незамужних сестрах.

Однажды приняв на себя долг заботы о ближних, П.М. Третьяков всю жизнь исполнял его с достоинством. Сначала родное семейство, а позднее и собственная семья была для Третьякова той сферой, в которую он неизменно вкладывал колоссальные душевные силы — кто знает, были ли они меньше, нежели затраты сил на создание галереи? Даже отдавая дань собственным увлечениям, он никогда не забывал об интересах семьи. А в ее интересах было, чтобы он оставался купцом и приумножал отцовские капиталы... что ж, преодолевая тягу к искусству, Третьяков оставался купцом и в этой сфере деловито, стараясь избегать лишних рисков, зарабатывал семье на достойное будущее. Павел Михайлович был практически идеальным семьянином: чутким, заботливым, в высшей мере ответственным. Наверное, наибольшим — хотя и не всегда осознаваемым — желанием его было уберечь семью от всех возможных неприятностей, и желание это он претворял в жизнь с присущей ему твердостью.

Начал Павел Михайлович с того, что занялся образованием младших членов семьи.

Первым делом П.М. Третьяков выразил желание нанять гувернанток для сестер. А.П. Боткина пишет: «... к сестрам, по желанию старшего брата, взяли гувернантку-немку, которую вскоре заменила русская, девица очень хорошо образованная, — Прасковья Алексеевна Щекина»[288]. По церковным документам видно: в 1850—1851 годах Третьяковы проживали там же, где и в предыдущие два года: в съемной квартире, «на дворе» московского купца Василия Андреевича Шамшурина[289]. «Московская купецкая дочь девица Праскева Алексеева Ще-

Семья Павла Михайловича Третьякова

вать в отрыве друг от друга. Следует как можно внимательнее присматриваться к изменениям в основной «линии» собирательства Павла Михайловича, когда они вызваны событиями в его личной жизни.

Каждое сколько-нибудь значимое событие, происходившее в жизни Павла Михайловича и затрагивавшее членов его семьи, отражалось на *всех* сторонах жизни предпринимателя: на делах коммерческих, на благотворительности, на взаимоотношениях с людьми, на составлении галереи, наконец. Его счастье и особенно его горе могли находить выражение в изменении состава коллекции, в перемене сюжетов собираемых им картин.

С течением жизни приоритеты Павла Михайловича несколько раз изменялись. Это очень хорошо видно как по его завещательным письмам, так и по отдельным фразам, обращенным к членам его семьи. Причинами подобных поворотов часто оказывались события в личной жизни Третьякова.

С переселением семейства Третьяковых в новый приход появляется кружок единомышленников, во многом повлиявший на становление Третьякова-коллекционера. В последующие годы художественный мир безусловно занимает лидирующие позиции в его внутреннем списке приоритетов. Это видно по первому завещанию Павла Михайловича, которое было составлено в 1860 году. Родственникам Павел Михайлович завещает те деньги, которые ему, как главе семейства, достались по наследству от отца. Остальной же капитал, нажитый самим Павлом Михайловичем, он желает употребить «... на устройство в Москве художественнаго музеума или общественной картинной галлереи»[332]. Если вопросы, связанные с наследованием денег членами семейства, он оставляет на их собственное усмотрение, если вопросы благотворительности он решает в нескольких строках, то все, что касается создания галереи, он прописывает очень тщательно: этому уделено несколько листов. Получается, что в 28 лет Павел Михайлович выше семейных интересов ставил свою мечту.

А еще через несколько лет П.М. Третьяков становится семьянином. С 1865 года начинается новый этап его восприятия.

Семья и галерея становятся почти на равных. Именно что почти: у галереи все еще — приоритет. Но с течением времени диспропорция между интересами семьи и нуждами галереи мало-помалу смягчается, а затем и вовсе сходит на нет. Где-то в 1880-х годах семья для Третьякова выйдет на первый план. Однако надо помнить, что на протяжении четырех с лишним десятилетий Павел Михайлович постоянно, изо дня в день, должен был тратить огромное количество нервов, времени, денег, в конце концов, жизненной энергии на обустройство русского живописного собрания. Все это могло быть истрачено и на семью. Особенно если учесть, сколь много счастья семья приносила Павлу Михайловичу... Так вот, дела его самым удачным образом, может быть от Бога, были приведены в удивительную гармонию. Семья Павла Михайловича давала ему добрый, теплый, уютный дом — что называется, «крепкие тылы». Супруга разделяла его культурные устремления и проявляла большую деликатность во всем, что связано было с бешеной деятельностью П.М. Третьякова по созданию галереи. Дочери с интересом и почтением относились к этой страсти отца. Им дали правильное воспитание... А сам Павел Михайлович готов был поделиться с женой и детьми своей устремленностью к высокой культуре, своим светлым пламенем увлеченного галериста. Таким образом, семья и галерея оказались добрыми соседями в судьбе мецената. Никогда они не ссорились и всегда пребывали в состоянии взаимной почтительности.

ПО СВОЕЙ И БОЖЬЕЙ ВОЛЕ: «ПЕЧАЛЬНИК» О РУССКОМ ИСКУССТВЕ

Вторая половина XIX столетия для русской культуры — время художественного расцвета. Почва для него подготавливалась в обеих столицах. Петербург пестовал юные дарования в Академии художеств, а Москва — в Училище живописи, ваяния и зодчества. Существовали и провинциальные учебные заведения, державшиеся частной инициативой, а потому недолговечные[333].

Саврасов А.К. «Вид в окрестностях Ораниенбаума»
Это полотно положило начало галерее
П.М.Третьякова в 1858 году

культуры — это всего лишь иллюзия. Толмачи и Абрамцево не просто были соединены прочным мостом. Они образовывали *единое художественное пространство*. Это пространство было организовано так, чтобы сосредоточить все силы художника на творчестве. Это было пространство творческой свободы, находясь в котором творец чувствовал дружескую поддержку и мог не опасаться за завтрашний день. Колоссальный рывок в росте отечественной культуры был осуществлен благодаря усилиям его создателей.

«РАБОТАЮ ПОТОМУ, ЧТО НЕ МОГУ НЕ РАБОТАТЬ...». ТРЕТЬЯКОВ-КОММЕРСАНТ

Когда заходит речь об истории создания Третьяковской галереи, основной род деятельности ее составителя отходит у его биографов на второй план как нечто... не то чтобы неинтересное... скорее, неважное. Значение конторских книг, оказавшихся в одном помещении с драгоценными предметами искусства, стремится к нулю. Между тем предпринимательская деятельность Павла Михайловича играет в судьбе галереи исключительно важную роль.

Во-первых, коллекционер, желающий составить приличную коллекцию, должен обладать немалыми деньгами. Помимо средств на покупку произведений, он должен иметь помещения, где их можно было бы хранить. Средствами и помещениями располагало не только купечество, но и дворянство. Однако с начала 1860-х годов дворянство постепенно разоряется, а интерес к искусству ослабляется в нем еще раньше.

Во-вторых, создание полноценной художественной галереи — это тяжелый и кропотливый труд. Разумеется, у создателя галереи должен быть искренний интерес к тем предметам, которые он собирает, хороший вкус и хотя бы начатки художественного образования. Однако этого недостаточно. Галерист должен хорошо ориентироваться на рынке художественных произведений: знать, каковы спрос, предложение, уровень цен. Для него важно умение завязывать деловые отношения с художниками, критиками, другими коллекционерами. И если речь идет о коллекционировании произведений современных собирателю живописцев, ему нужно уметь *организовать процесс* художественного творчества, умело направляя его в правильное русло. Иными словами, хороший коллекционер просто *обязан обладать деловой хваткой*. Каковы бы ни были его художественные вкусы и сколь бы хорошо он ни был материально обеспечен, если он лишен этой черты характера, его усилия будут затрачиваться вхолостую. У отечественного дворянства как раз не хватало практической хватки, чтобы создавать работающие «проекты» и уметь поддерживать их на плаву в течение длительного времени.

Та манера, следуя которой Третьяков создавал художественную галерею, во многом копировала схему ведения его торгово-промышленных дел. Поэтому, чтобы лучше понять первую, надо тщательно присмотреться ко второй. На первый взгляд Третьяков был богатым человеком, совершенно уверенным в завтрашнем дне и застрахованным от возможных рисков. Это позволяло ему тратить немалые суммы на покупку картин. Но... так ли это?

Как уже неоднократно говорилось, купец 2-й гильдии Павел Михайлович Третьяков на протяжении восьми с лишним лет, с конца 1850-го по 11 апреля 1859 года, был вынужден вести купеческие дела согласно тем правилам, которыми руководствовался его отец. Все эти годы главой дела официально считалась Александра Даниловна. П.М. и С.М. Третьяковы, а также В.Д. Коншин были компаньонами в ее деле. Такова была последняя воля М.З. Третьякова.

Действительно, на протяжении всех этих лет принципиальных изменений в ведении семейной торговли не происходило. Основным источником прибыли была торговля. Обороты быстро росли: доставшихся в наследство от Михаила Захаровича лавок уже не хватало. Так, под 1851 годом в книге П.М. Третьякова сделана запись о покупке 6 лавок в Крашенинном золотокружевном ряду Гостиного двора, а пять лет спустя Алексан-

Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Ткацкая фабрика коммерсанта П.М.Третьякова

ВО СЛАВУ ХРИСТОВУ. ТРЕТЬЯКОВ-БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Советская эпоха, обращаясь к фигурам дореволюционных деятелей культуры, проявляла свой интерес очень избирательно. На многое было наложено негласное табу... а то и вполне гласное, официальное. Замалчивание тех фактов, которые не входили в «одобренную» версию биографии, нередко приводило к мифотворчеству. Так, появился миф о П.М. Третьякове-меценате, в рамках которого истоки меценатской деятельности Павла Михайловича увязывались лишь со «светской» стороной его жизни: с образованием, отчасти — с социальным происхождением.

Между тем «первая волна» купеческого меценатства (1850—1860-е годы) во многом проистекала из религиозной стороны жизни купечества, а именно — из православной благотворительности. Ее деятели — купцы-меценаты, чья юность пришлась на 1840-е годы, — были в то же время крупнейшими традиционными благотворителями. Их материальный вклад в культуру и науку шел рука об руку с пожертвованиями на создание богаделен, больниц и сиротских приютов, на поновление храмов и обеспечение их богослужебными принадлежностями, иными словами, с социальной и церковной благотворительностью.

Однако... хотя купеческое меценатство и связано весьма тесно с купеческой же благотворительностью, эти явления нельзя отождествлять и тем более смешивать[899]. Меценатство довольно быстро забыло о своём «родстве» со старой русской православной благотворительностью, стало руководствоваться иными, нехристианскими мотивами. Уже те предприниматели-меценаты, кто принадлежал к поколению 1860-х годов или ко «второй волне» меценатства (1870—1890-е), в большинстве своем довольно далеко ушли и от традиционных благих деяний во славу Божию, и от Православия в целом.

Павел Михайлович Третьяков был не только меценатом, но и потомственным благотворителем в узком значении этого слова, то есть жертвователем на нужды Церкви и на призрение

неимущих. Воспитанный в православной вере, в патриархальной купеческой среде, Третьяков с младых ногтей впитывал в себя устои «христианского общежития», в том числе необходимость регулярно заниматься социальной и церковной благотворительностью. Совершать благие дела для него, как и для его отца, деда, прадеда, было естественно в той же мере, как дышать.

К сожалению, исследователям вряд ли когда-нибудь удастся составить полное представление о масштабах благотворительной деятельности Павла Михайловича. С одной стороны, Третьяков, как истинный христианин, старался не афишировать свои благие деяния. Узнать о них можно только в тех случаях, когда они были отражены в документах. С другой стороны, далеко не все подобные документы дошли до наших дней. Так, известны отдельные факты крупной церковной благотворительности со стороны Третьякова, однако всю «линию» его пожертвований на Церковь выстроить невозможно: приходные книги московских храмов сохранились лишь частично. Но даже то, что сохранилось, показывает: благие дела во славу Господню занимали в жизни Третьякова ничуть не меньшее место, нежели собственно меценатская деятельность. По подсчетам современного исследователя предпринимательской благотворительности Г.Н. Ульяновой, П.М. Третьяков вошел в десятку крупнейших жертвователей Московскому купеческому обществу, которому купец передал более 1 миллиона рублей[900]. А ведь его благотворительность была гораздо обширнее!

О церковной благотворительности П.М. Третьякова до сих пор говорилось очень мало. Единственный факт, который обычно упоминают, — единоразовое и... довольно экзотическое пожертвование: Павел Михайлович взнес в Православное миссионерское общество 500 рублей на строительство храма Воскресения Христова в Токио (1886)[901]. Однако этим церковная благотворительность купца, игравшая в его жизни очень важную роль, далеко не исчерпывалась.

Отдельные деяния Третьякова-жертвователя прослеживаются по крайней мере с середины 1850-х годов. Правда, первое

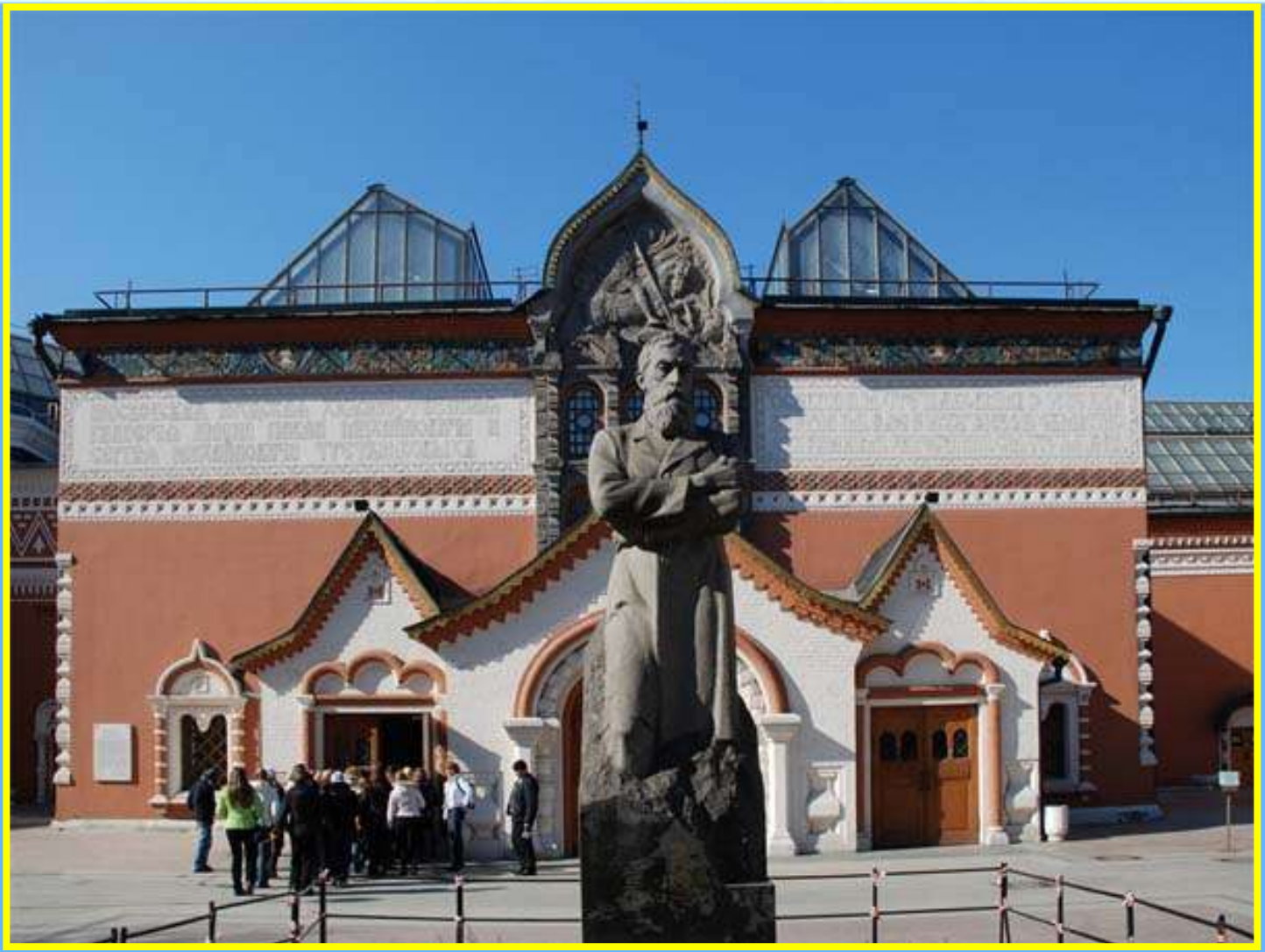
Арнольдовское училище для глухонемых детей, благотворителем которого был Павел Третьяков

Дом семьи Третьяковых и пристройка к Третьяковской галерее. Вид со стороны внутреннего двора

Некоторые из картин приобретённые Павлом Третьяковым для художественной галереи

Один из залов Третьяковской галереи

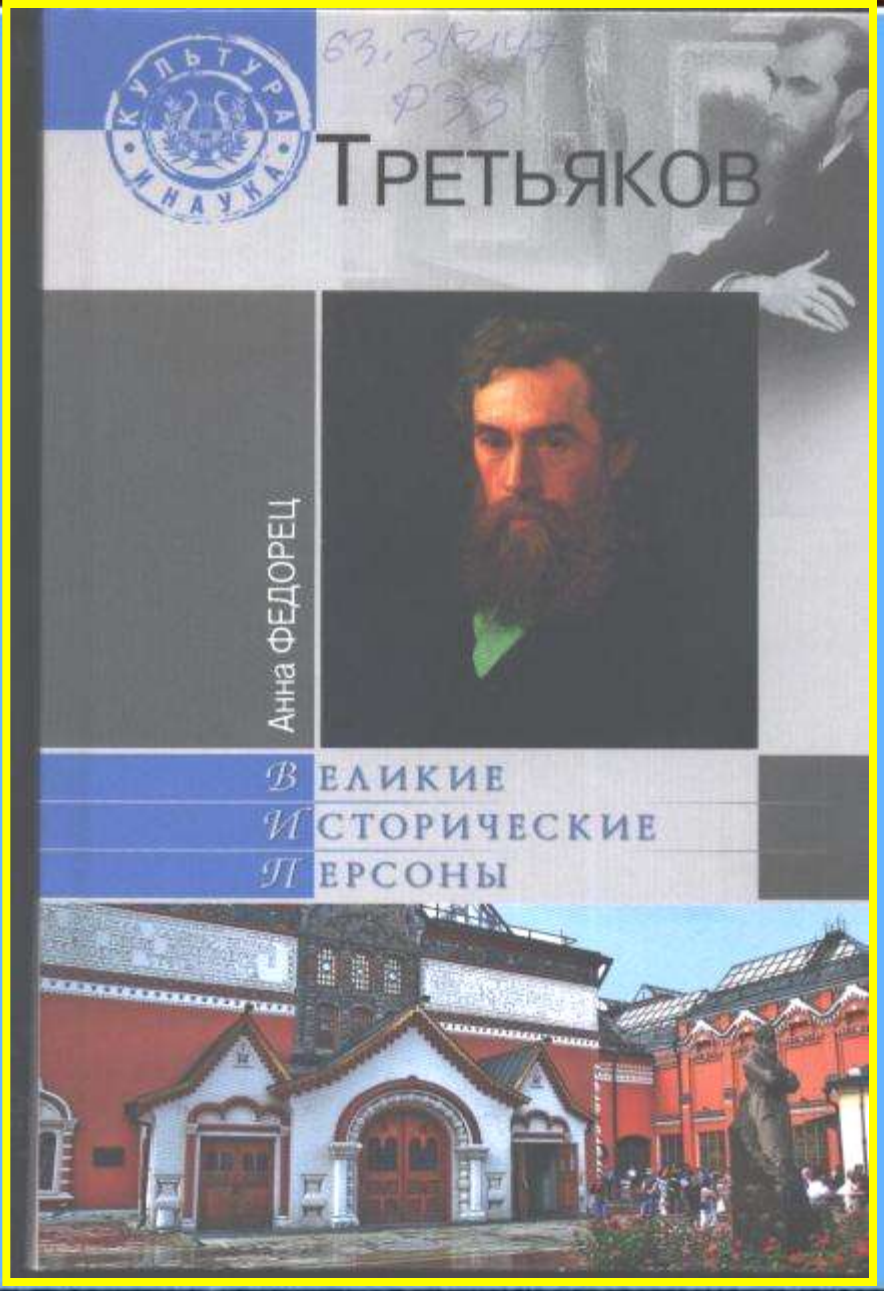
Галерея была делом всей жизни Третьякова. Он приобретал в первую очередь картины современных ему художников, имеющие значительное общественное содержание, и тем самым способствовал развитию прогрессивного демократического направления искусства. Третьяков стремился к созданию поистине национальной художественной галереи. Он расширил рамки своего собирательства и начал приобретать и произведения древнерусского искусства и работы художников XVIII и первой половины XIX веков. Он с особой тщательностью относился к отбору произведений, пользуясь советами Перова, Крамского, Репина и других крупных художников. В 1892 году Третьяков осуществил свой давнишний замысел и передал галерею в дар городу Москве.



Памятник Третьякову перед галереей, которую он создал

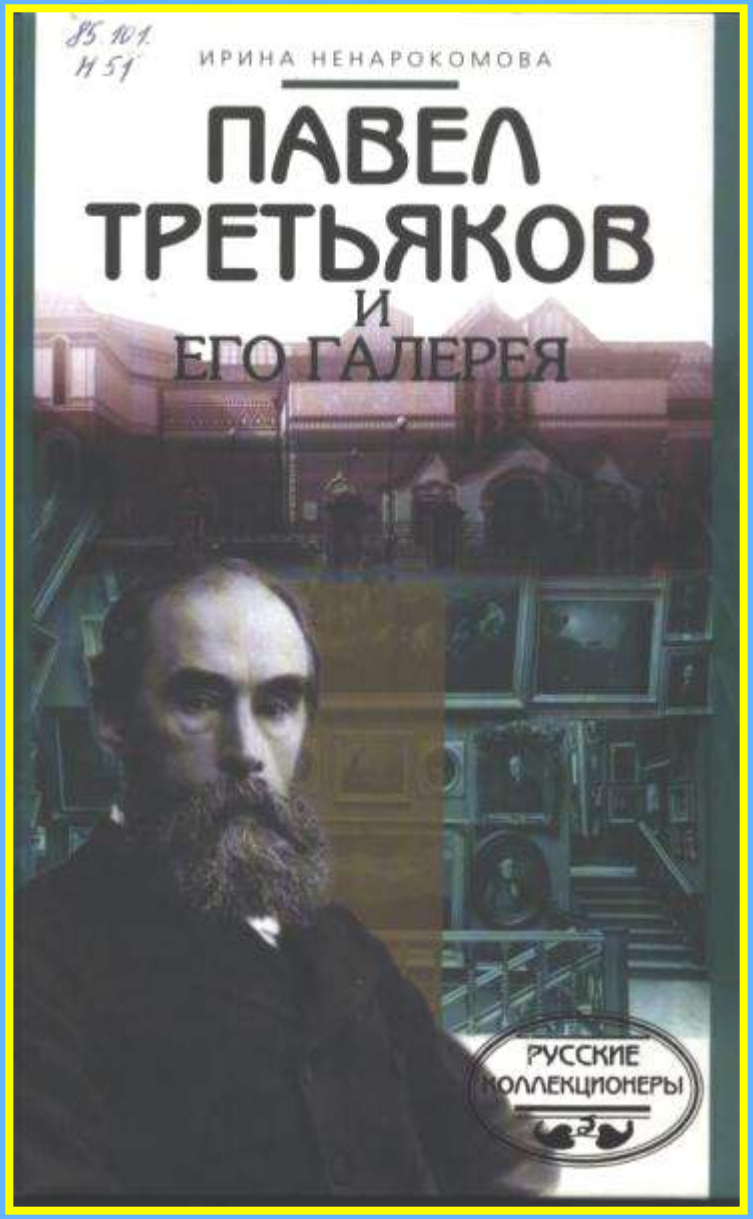
«Он с редкой энергией и настойчивостью и в то же время с необычайной скромностью совершил великое дело для своей Родины. Он был не меценат, а серьёзный общественный работник.»

Васнецов В.



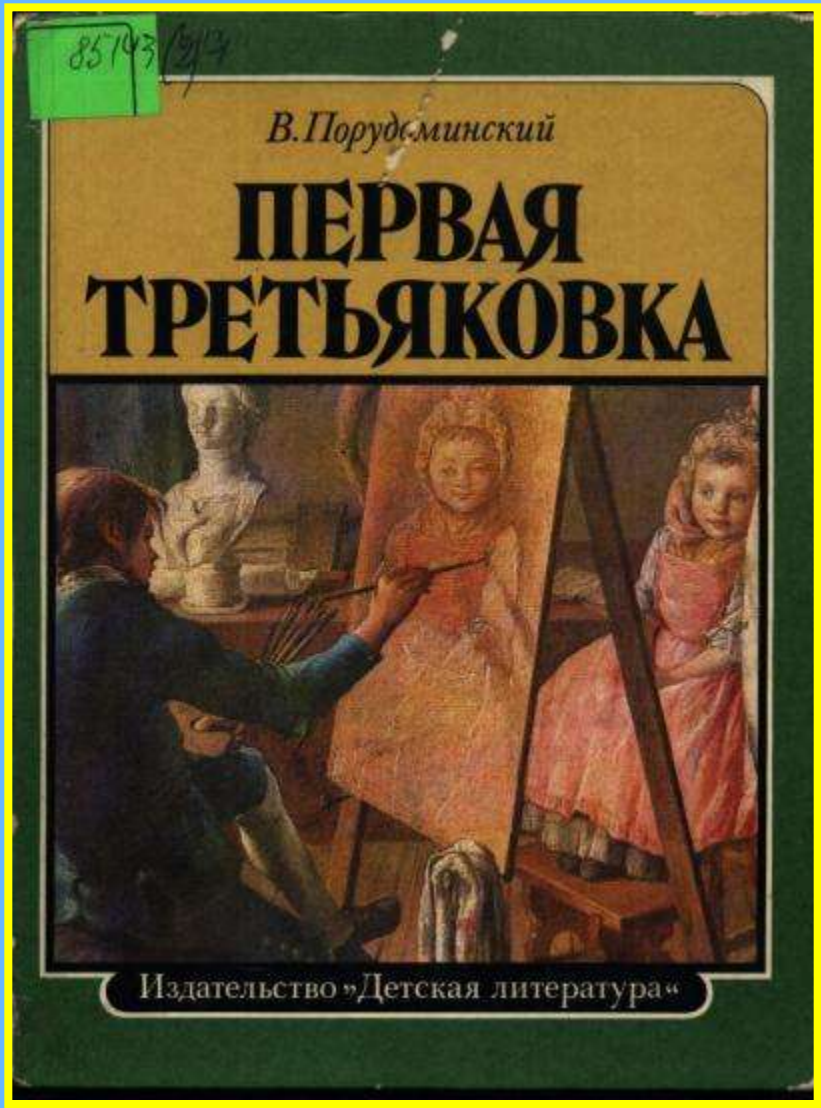
Книга издана в Москве , в издательстве «Вече» в 2011 году, содержит 432 страницы с иллюстрациями.

Кроме книги представленной выше, в фонде Центральной библиотеки города Анапа находятся ещё несколько книг о Государственной Третьяковской галерее и её основателе - Павле Михайловиче Третьякове. Книги расскажут о том, каким же был этот удивительный человек, заслуживший почёт и восхищение современников и глубокую благодарную память потомков.



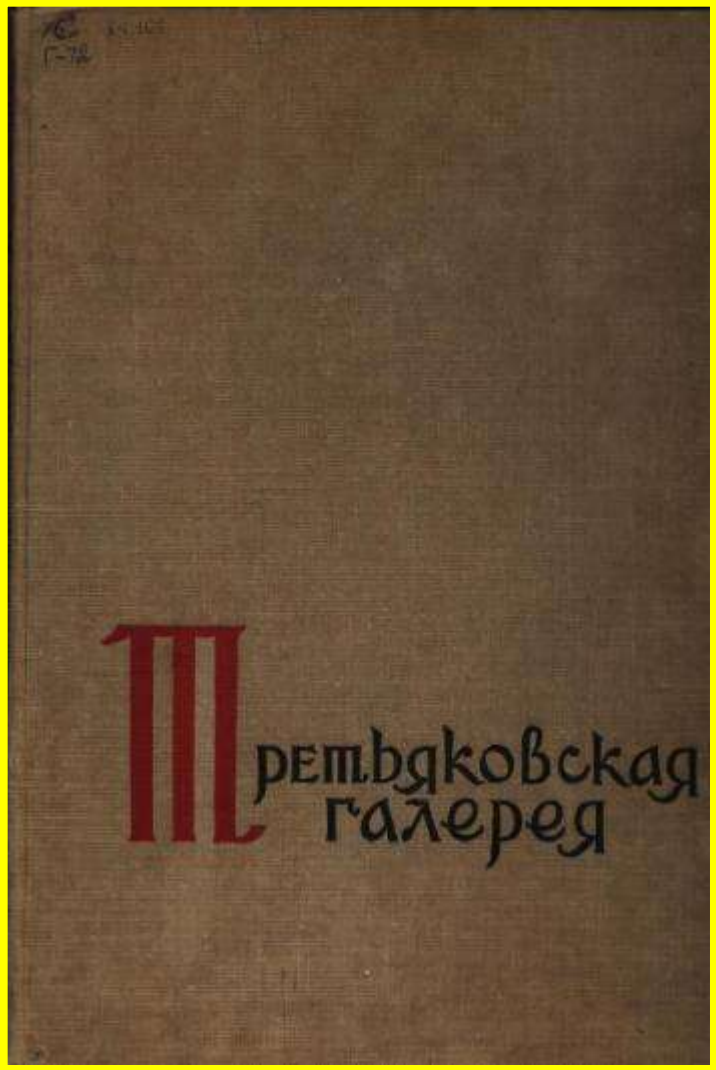
Ненарокомова, И.С. Павел Третьяков и его галерея. /И.С. Ненарокомова.- М.: Арт - Родник, 1998. – 256с.:ил.

Книга рассказывает о жизни и собирательской деятельности известного русского коллекционера, основателя галереи Павла Михайловича Третьякова. Публикуются материалы из переписки Третьякова с художниками и коллекционерами, отзывы современников Павла Третьякова о его деятельности.



Порудоминский, В.И.
Первая Третьяковка. Рассказы. /В.И. Порудоминский. – М.: Дет. Лит., 1979. – 127 с.: ил.

Государственную Третьяковскую галерею в Москве знает весь мир. Это лучшее собрание русских картин. Люди ласково называют галерею «Третьяковкой». В этой книге собраны рассказы о русских художниках и об их картинах.



Государственная Третьяковская галерея. Альбом.
/Под ред. Т.Теплова. – М.: Государственное издательство изобразительного искусства, 1963. – 112 с.: ил.

В этом альбоме воспроизведены лишь некоторые картины из собрания Государственной Третьяковской галереи. Государственная Третьяковская галерея, основанная Павлом Третьяковым – художественный музей мирового значения. Это самое большое в мире собрание произведений русского искусства. Третьяковская галерея широко известна в нашей стране и далеко за её пределами.

Подготовила главный библиограф читального зала
Центральной библиотеки
Л.П. Кудрявцева